

Владимир Гузий

ДОРОГА НА КОДАР

ДОРОГА НА КОДАР

Как-то разом всю пыль унесло,
Пробудилась всевышняя сила, —
Ветром выгнало. Ливнем прибило.
Стало мудро в судьбе и светло.

И открылись так ясно вершины,
И рассеялась тусклая мгла.
Как она заслонить их могла!
Как красиво она мельтешила!

Да и я был наивно-нестрогим,
Жизнь не ведал еще ни черта.
Чуть не главной частью дороги
Эту пыль до сих пор я считал.

ШОФЕР ВЛАДИМИР ДОЙКОВ

КрАЗа рев почти звериный,
У меня по телу дрожь —
Здесь такие серпантины,
Что костей не соберешь.
Только он не паникует
И на дрожь свою плюет,
Разговаривает, курит,
и дорогу критикует,
И на всю «железку» жмет.
Он привык к такой работе:
Когда солнце чуть встает,

Завести свой КраЗ в Моготе,
 Верст отмерить много сотен,
 И из Невера — в Могот.
 Рейс за рейсом.
 Рейс за рейсом.
 Как челнок — назад-вперед.
 Чтоб быстрее ложились рельсы,
 Чтобы строили умельцы
 Город будущий — Могот.
 Пусть не город,
 Пусть поселок,
 Лишь бы первый, чистый,
свой,
 Как ребенка из пеленок,
поднимать над мерзлотой!

ПЛАСТИНКА БРАМСА

Глухою олекминской ночью
 Диск черной пластинки закружит,
 И, словно точильщик, наточит
 Мою огрубевшую душу.
 Сырой, неуютный вагончик,
 И публика, в общем, простая...
 Последняя скрипка закончит —
 Опять от начала поставят.
 Парням надоели отчаянно
 Пустые слова про дорогу,
 Купили пластинку случайную —
 Теперь оторваться не могут.
 Мелодия эта печальная,
 Стекая из-под иглы,
 В паре отразится над чайником,
 Заденет чуть-чуть топоры
 И скатится в просеку свежую,

Звеня по вечернему льду,
К последнему следу медвежьему,
Последнему в этом году.
Стоит перспективою мгlistою
Разрезанная тайга,
И плещется музыка чистая
В березовые берега.
И я уже слышу-не слышу,
Прижавшись к холодной стене:
То тише, то громче, то тише,
Во сне и еще не во сне,
И словно бы снежные люди
Стучат и стучат к нам в окно.
А утром ребята разбудят,
Ругаясь, что снега полно.
Но мне этой новости мало,
Скажу, фантазируя малость:
«То музыка выход искала,
Наплакалась, да и осталась».

ИЗЫСКАТЕЛИ

Ну вот и закончился долгий маршрут.
Сейчас закурить бы.

Затяжку хотя бы.

Лососи в ручье разметали икру,
Как дымное облако.

Значит, сентябрь.

На розовом глянце лососевой речки,
При запахе хвои и свете брусники,
Печатает осень нерезко, беспечно
Свои моментальные первые снимки.
Мы в мокрых бахилах, неделю небриты,
У нас рюкзаки уж совсем отощали.

И многое — в прошлом.
Пустые обиды,
Невзгоды и трудности дебрям прощаем.
Мы первые люди, заснявшие трассу,
Нас тоже на память тайга засняла,
Еще не понявшие вовремя, сразу,
Что с нами начнутся другие дела.
Как быть, чтоб сюда возвращались лососи,
Деревья остались — большие, живые,
А сверху спускалась пугливая осень,
Как лось, к водопою идущий впервые?
Всего не решишь даже долгою ночью.
Мы в город вернемся, к бетонным ущельям,
И только костер у палатки затопчем,
Как совесть, взывающую о прощенье.

ПРОЩАНИЕ С ОБЩЕЖИТИЕМ

Гудящая слышимость шага.
Как ты изменилась, общага.
Пустая стоишь, нежилая,
А в сердце — как сталь ножевая.
Мы лучших врагов наживаем,
Терять их никак не желаем,
К друзьям не вернемся с вниманьем,
А там уже крыши снятие...
Здесь кто-то, от слабости воя,
Тебя называл — щелевою.
Для нас ты была щитовою.
И жить без тебя беззащитно.
Все мелкое, жалкое, злое
Твоими щитами отбито.
Я здесь никогда не бренчал
Блестящею громкой монетой:

Ни денег сейчас, ни ключа,
Но главное в жизни — не это.
Чудак, не умел сохранять
Людей, что меня сохраняли.
Такая исчезла броня —
Дороже отыщешь едва ли.

ВЕСНА НА ВИТИМЕ

Жарит на солнце в марте

нежданно жарко.

Зимник превратился в приток реки,
И весны прозрачная циркулярка
Хмурый лед разделявает на куски.
Но пришла в палатки залетной сказкой
Телеграмма, сдержанно-горяча:
«Дежкину Сергею. Люблю. Согласна.
Вылечу пятнадцатого. Встречай».
И десятник Дежкин бежит к прорабу:
— За невестой надо «Урал» послать бы.
До прораба просьба доходит слабо:
— Тут десант. Работа. Какие свадьбы?
А в окно врывается рев пилорамы.
И весенний ветер с Угрюм-реки
Со стола сметает отчеты, планы,
Но упрям начальник:

— Женился рано.

Здесь работать будут холостяки.
Да и где вам жить-то?

— Я дом построю.

— У меня нет леса.

— Я сам срублю.

— Где жене работать?

— А я устрою.

— По какому праву?

— Да я люблю!..

И по праву счастья,

по праву власти,

Вся насквозь продумана и ясна,

Крепкий лед ломая, идет по трассе

Чистая, сверхплановая весна.

ЧЕРЕМУХА

А зачем печалюсь?

И о ком горюю?

Никакого дела нет до нас Гилюю.

Никакого дела нет до нас любимой.

Боль черемух белых пролетает мимо.

Так вот осторожно-посторонне любят

Самые, быть может, верные нам люди.

Ни о чем не скажут,

ни о чем не спросят.

Нас течение быстро

мимо них проносит.

На красоты эти времени не тратя,

Бросим на рассвете.

Вспомним на закате.

Ткнемся носом в берег

у чужого дыма.

Далеко в верховьях

цвет невозвратимый.

* * *

Ты опоздал на десять лет.

К своей любимой опоздал.

Твоей любимой больше нет.

И только тихий, добрый свет
Ты видишь, где была звезда.

Нет, эта женщина жива.
Но смутно так ее жильё,
Что видит свет едва-едва
Тот, кто глядит в глаза ее.

Он милых глаз не узнает.
А ты не смей пенять судьбе —
Ведь свет, ушедший от нее,
Поныне тянется к тебе.

* * *

Я услышу твой голос в раю.
В Домодедове — ад снегопада,
За билетами в небо стою,
Не пускают в обитель твою,
А других я не знал. И не надо.

У чистилища времени «пик» —
Ни сезонов, ни дней, ни минут.
Сжаты вместе терпенье и крик.
Это вечный лирический миг,
Так влюбленные только живут.

Нет мне выхода. Вечно люблю.
Это мука, желанье, награда:
Жизнь одну, драгоценность свою,
Растворить в твоём вольном краю,
А других не узнать. И не надо.

* * *

Вся душа чистым светом омылась,
Словно вырвался на перевал,
Но любви высочайшую милость
На пустые слова перевел.

Чудо было так просто дано,
Ни за что — в суете беспробудной.
Поначалу казалось чудно,
А теперь — невозвратно и чудно.

Я вернулся.
Прежнее имя
И весь облик — из прежних примет.
Но любовь уже больше не примет
Никаких объяснений в ответ.

Что я думал тогда,
Что я делал?
Все как будто себе же назло.
Мою гордость, глядевшую смело,
Вашим взглядом спокойным смело.

Извините молитву мою.
Извините мне чувство простое.
Как пред богом, пред вами стою,
Хотя вашей любви и не стою.

* * *

Мне стены города тесны,
И тяжелы мои слова.
Нет никакой твоей вины,
Что я дышу едва-едва.

Я отрекаюсь от утех,
Смешны мне жадность да испуг.
Нет никаких твоих заслуг,
Что я сейчас сильнее всех.

Мне не сорваться, не упасть.
Но ты прошла неуловимо,
Как с гор весенняя лавина.
И жизнь с тобою унеслась.

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

Мелом очерченный жизненный круг
Вдруг разрывает невиданный свет,
Сердце пронизывает испуг:
«Разве художника больше нет?»

Он находился в центре стихий.
Только на это укажет потом
Смерть неожиданная, как Вий:
«Поднимите мне веки.
Вот он!»

ДЕРЕВНЯ

Проснусь и просто чувствую,
Что не простит меня
Пространство древнерусское,
Деревня Деревня —
За долгое плетение
Негнущихся словес,
За памятное бдение
Без сбывшихся чудес.

Живет свежо и молодо,
Без лени и замков,
Как истинное золото,
Не чувствует веков.
Какой мудрец дал имя ей,
Назвав само — собой?
Какой найти алхимии
Секрет ее земной,
Чтобы назвались, стали в ряд,
Открыли свой состав
Осенний лист, весенний сад
И зимний ледостав?..
Но снова мне пора в отлет,
И только тихо вслед
Деревня вечная шепнет:
«Не растеряй мой свет...»

НА ПЛОТУ

Эта речка жила и без нас.
Нам хотелось нежданных открытий,
Нам хотелось непройденных трасс,
И река согласилась: «Плывите!»
Приняла, не стараясь блеснуть,
И открылась, прозрачно-сквозная.
Мы по карте ей выдали путь,
Но река усмехнулась: «Я знаю».
Мы зажаты в маршруты и сроки.
Наши хлопоты ей не указ.
Расплетаясь свободно в протоки,
За собой увлекает и нас.
Скорость жизни потока другая,

И, поспешно-устало гребя,
 За медлительность речку ругая,
 Подгоняем к концу лишь себя.
 Наш поход — словно чтение книги.
 Эта вечно живая вода
 В этом месте живет,
   в этом миге,
 Но еще позади, но еще впереди,
 И до нас, и при нас, и всегда.
 Во внимание нас не берет,
 Устремляется в таинство лет,
 Как поэт, безоглядно вперед,
 Вдруг понявший, что он — поэт.

* * *

Облетает багульник. Проходят дожди.
 Опадает с души многолетняя дрема.
 Жизнь уже позади.
 Жизнь еще впереди,
 А пока, в этот миг,
   тонко стынет в груди
 Неподвластный словам
   свет весенних черемух.
 Ветви молний дрожат
   над ветвями дорог,
 И мой бамовский путь
   отражается в Млечном.
 Ничего я не сделал...
 Все сделал, что мог.
 Только так и не понял
   сцепляемость строк
 Быстротечной судьбы
   и любви бесконечной.

Как я эту простую природу пойму,
Если сложности в мире
растут ежечасно?

Жизнь сравнима со всем,
Не равна ничему.

Вся, как поле, лежит.

Вся, как поезд, бежит.

Вся, как песня, дрожит,

но словам неподвластна.

ЧАРСКАЯ ДОЛИНА

Вот и покидаю Чарскую
долину.

В сердце и не радость,
и не грусть.

Оглянусь на запад и монетку
кину, —

Может быть, когда-нибудь
вернусь.

Все-таки сбываются добрые
приметы,

Если только вера в это есть.

Но долине Чарской что моя
монета?

У нее богатств не перечесть.

Что ей снисхожденье или
милость?

Ведь она с разбега, как-то
вдруг,

Честно и по-дружески
открылась,

Думая, что я ей тоже друг.

Извини, долина,
Я хотел как лучше
И монету бросил...

Дома встрепенусь:
Там, в долине Чарской,
я оставил душу.
Может быть, когда-нибудь
вернусь.